
Елена К.
Не буди
18+

Елена К.

Не буди

«Автор»
2026

К. Е.

Не буди / Е. К. — «Автор», 2026

Захватывающий мистический триллер, где страницы древних книг становятся картой преступлений, а слово — единственным оружием против тьмы.Команда следователей и документалистов бросает вызов тайному обществу «Лунный след», веками управлявшему городом через ритуалы, страх и молчание. Им предстоит распутать клубок из редких фолиантов, звериных следов и забытых имён, остановить ритуал «семи печатей» и вернуть людям право говорить.Здесь оккультные тексты соседствуют с живыми эмоциями, а борьба за правду идёт не только в мрачных подвалах, но и в обычных студиях, где снимают кино о смелости. Оборотни, тайные общества, ловушки и сила простого человеческого слова сплетаются в напряжённый сюжет, где каждый новый кадр и каждая строчка приближают к разгадке: кто на самом деле дёргает за нити?Для поклонников атмосферных детективов, городского фэнтези и историй, где слово сильнее магии. Готовы ли вы услышать, о чём молчит тишина?

© К. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава о совпадениях. 5
Глава 1. Заказ 6
Глава 2. Когда дом решает действовать 9
Глава 3. Инструкция по выживанию, замаскированная под легенду 12
Глава 4. Завещание Соломона и цена тишины 16
Глава 5. Ритуал, который съел инженера 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Елена К.
Не буди

Глава о совпадениях.

От автора с лёгким поклоном и без лишней серьёзности)))

Если вдруг, читая эти страницы, вы узнали в Вениамине своего соседа по лестничной клетке, в Аркадии Семёновиче — бывшего преподавателя истории, а в старом книжном магазине — то самое место, где когда-то купили потрёпанный томик стихов и потом потеряли чек… пожалуйста, не спешите звонить в редакцию, полицию или в общество защиты литературных героев.

Все совпадения абсолютно случайны. Честное слово. Ну, или почти честное — ведь писателю иногда нужно, чтобы улица была похожа на улицу, кофе пах кофе, а тишина звучала так, будто она действительно чего-то стоит. Но ни один реальный человек, ни одна настоящая организация, ни даже самый подозрительный кот с лестничной площадки не имеют к этой истории ни малейшего отношения.

Особенно — «Лунный след». Если вы состоите в клубе любителей лунного света, собираете редкие издания или просто любите гулять по ночному городу в плаще (что само по себе уже повод для отдельной повести), не ищите себя между строк. Здесь всё придумано. Даже пироги с вишней. (Ладно, пироги почти настоящие — но рецепт я всё равно не дам, он тоже часть художественного вымысла.)

И да, если вдруг кто-то из Совета Семи (если он вообще существует, а мы-то с вами знаем, что нет) читает эти строки и хмурится, глядя на страницу, — расслабьтесь.

А если не верите — перечитайте эпилог. Там всё честно. Ну, настолько честно, насколько вообще может быть честно художественное произведение, где оборотни спорят о книгах, а пироги служат символом надежды.

С уважением, ваш автор, который ни на что не намекает. ##

Глава 1. Заказ

Дождь шёл уже третий день подряд, и город будто смыло в серую кашу. Асфальт блестел, как мокрая рыбья чешуя, а неоновые вывески расплывались в дрожащие кляксы. Марк Рудин сидел в своей конторе — на деле это была переделанная кладовка в старом доме, где пахло пылью и старым кофе. На столе лежал блокнот с пустыми страницами, а рядом — телефон, который молчал так долго, что Марк начал подозревать, будто сам город договорился не тревожить его.

И вот он зазвонил.

Марк посмотрел на экран, не торопясь брать трубку. Номер был незнакомый, с кодом областного центра — значит, не местный, не старый клиент, не кто-то, кто просто ошибся. Он помедлил ещё секунду, будто давая себе шанс не ввязываться, а потом всё-таки поднёс телефон к уху.

— Рудин, — сказал он сухо, без приветствия. Так он всегда отвечал, когда не хотел казаться дружелюбным.

На том конце провода голос дрожал, но старался держаться ровно. Это был голос человека, который уже давно перестал надеяться, но вдруг вспомнил, что надежда — это тоже работа.

— Меня зовут Игорь Степанович. Моя дочь пропала. Она… она поехала туда, где не стоило.

Марк не стал спрашивать, куда именно. Он знал этот тон: так говорят, когда место уже само по себе — приговор.

— Где она в последний раз выходила на связь? — спросил он, открывая блокнот и беря ручку.

— В чате с друзьями. Написала: «Поеду посмотрю этот дом. Хочу понять, почему все его боятся». И всё. Больше ни слова.

Марк почувствовал, как внутри что-то сжалось. Не страх — привычка. Он слишком часто слышал такие истории, чтобы не понимать, чем они заканчиваются.

— Какой дом?

Игорь Степанович назвал адрес. И Марк сразу понял, о чём речь. Дом на окраине, в районе, который ещё недавно был промзоной, а теперь стал ничьей землёй между городом и лесом. О нём ходили слухи: будто бы в нём пропадали люди, будто по ночам из окон пробивается странный зеленоватый свет, будто дом сам выбирает, кого впустить, а кого — нет.

— Вы обращались в полицию? — спросил Марк, хотя уже знал ответ.

— Обращался. Но там… там сказали, что нет состава. Что она взрослая, уехала по своей воле. А я знаю, что она не могла просто уехать. Она мне звонила за день до этого. Смеялась. Говорила, что хочет написать статью про городские легенды. Про этот дом — в первую очередь.

Марк помолчал. Он не любил городские легенды. Он любил факты: следы, время, температуру, отпечатки. Легенды были для тех, кто не хотел смотреть правде в глаза. Но иногда легенды — это просто способ назвать то, что ты не можешь объяснить.

— Я приеду, — сказал он наконец. — Осмотрю дом. Если найду хоть что-то — сообщу.

Он положил трубку и посидел ещё минуту, глядя на пустой блокнот. Потом закрыл его. Факты появятся позже. Сейчас была только тишина, дождь и имя, которое он мысленно повторил: «Дом».

Дорога заняла почти час. Город постепенно сдавал позиции: дома становились ниже, улицы — уже, а фонари горели всё реже. Машина Марка, старая, но надёжная, ворчала на выбоинах, будто не хотела ехать дальше. Он не спорил с ней. Он тоже не хотел.

Дом стоял на краю участка, окружённый покосившимся забором. Он выглядел так, будто его построили не для того, чтобы в нём жили, а чтобы его боялись. Окна были тёмными, некоторые — заколочены, другие — с треснувшими стёклами, в которых отражался дождь. Крыша просела, а крыльцо казалось ненадёжным, как декорация к плохому спектаклю.

Марк вышел из машины и сразу почувствовал, как изменился воздух. Он был не просто холодным — он был плотным, будто в нём было больше частиц, чем положено. Пахло озоном, как после грозы, и ещё чем-то сладковатым, почти приторным, но с металлическим оттенком. Марк знал этот запах — так пахнет что-то, что горело недавно, но уже остыло.

Он подошёл к двери. Та была приоткрыта — не настежь, а ровно настолько, чтобы можно было подумать, будто её оставил кто-то, кто собирался вернуться. Марк остановился на секунду, прислушиваясь. Тишина была не пустой — она была наполнена гулом, тихим, низким, почти неслышным, но ощутимым где-то в груди, как вибрация от далёкого поезда.

«Не будь дураком», — сказал он себе. Но он уже был внутри.

Внутри пахло сыростью и пылью, но этот запах не заглушал тот, озоновый. Пол скрипел под ногами, а тени ложились не туда, куда должны были. Марк достал фонарик и включил его. Луч света выхватил кусок прихожей: облупившиеся обои, старый коврик, на котором виднелись следы — свежие, будто кто-то прошёл здесь совсем недавно. Следы обрывались посреди комнаты, как будто человек просто исчез.

Марк сделал ещё шаг. И тут он услышал звук — не скрип, не ветер, а что-то среднее между шёпотом и треском, будто где-то рядом щёлкали сухие ветки. Он замер, прислушиваясь, но звук не повторился.

Кухня была в глубине дома. Дверь в неё была приоткрыта, и из щели тянуло холодом — настоящим, резким, как из морозильника. Марк подошёл ближе и толкнул дверь.

В кухне стоял старый холодильник. Он был массивным, с облупившейся краской и ржавыми петлями. И он гудел. Не так, как должен гудеть сломанный холодильник, а ровно, настойчиво, будто работал на полную мощность, хотя в доме не было электричества.

Марк подошёл ближе. Он не хотел открывать дверцу. Он знал, что внутри может быть что-то, чего он не захочет видеть. Но он также знал, что если не посмотрит сейчас, то будет думать об этом всю оставшуюся жизнь.

Он взялся за ручку. Холод пробрался под кожу, как ледяная вода. Он потянул дверцу на себя.

Внутри было темно. Но не просто темно — темнота казалась плотной, почти осязаемой, как густая смола. Марк направил туда луч фонарика. И увидел тело.

Мужчина лежал, скрючившись, будто пытался спрятаться даже после смерти. Его кожа была бледной, почти прозрачной, а на груди темнели линии — не ровные, как от ожога, а будто кто-то пытался нарисовать схему, и кожа сопротивлялась. Они напоминали электрические цепи, но с искажениями: узлы были смещены, линии пересекались под странными углами, будто схема была написана в спешке или в бреду.

Марк наклонился ближе, стараясь не дышать. Он не был врачом, но знал достаточно, чтобы понимать: температура тела не вяжется со временем смерти. Труп должен был быть холодным, но он был… тёплым. Не как живой, а как будто его только что достали из печи.

И тут он заметил надпись. На внутренней стороне дверцы холодильника, будто пальцем по инее, было выведено: «Не буди».

Марк провёл пальцем по буквам. Иней осыпался, а под ним не осталось ни царапины, ни следа. Как будто надпись существовала только в тот момент, когда он был готов её увидеть.

Он отступил на шаг, чувствуя, как по спине пробегает холод, который не имел ничего общего с температурой в комнате. И в этот момент он понял: он не один.

Где-то в глубине дома скрипнула половица. Звук был чётким, отчётливым — как будто кто-то стоял там и ждал, пока Марк обернётся.

Но он не обернулся. Он знал: если обернётся — увидит то, чего не сможет забыть.

Вместо этого он достал телефон и набрал номер.

— Лея, — сказал он, когда на том конце взяли трубку. — Мне нужна твоя помощь. И, пожалуйста, не спрашивай пока ни о чём. Просто приезжай.

Лея Соколова не задавала лишних вопросов. Она была судебным антропологом и знала, что иногда лучше сначала увидеть, а потом уже говорить.

— Где ты? — спросила она спокойно, но в её голосе слышалась настороженность.

Марк назвал адрес.

— Тот самый дом? — уточнила она.

— Да.

Она помолчала секунду.

— Буду через сорок минут. И, Марк… возьми перчатки. Там, где пахнет озоном, лучше не трогать ничего голыми руками.

Он улыбнулся криво, хотя она не могла его видеть.

— Уже взял, — соврал он.

Когда он положил трубку, гул в доме стал чуть громче. Или, может быть, это просто его сердце билось быстрее.

Марк огляделся. Тени в комнате снова легли не туда. На полу, рядом с холодильником, появились ещё одни следы — свежие, чёткие, будто кто-то только что стоял здесь и смотрел на труп. Размер совпадал с его собственным.

Но Марк знал, что он не делал этих шагов.

Глава 2. Когда дом решает действовать

Лея приехала ровно через сорок минут. Марк не удивился: она всегда держала слово. Её машина остановилась в нескольких метрах от покосившегося забора, фары погасли, и на секунду дом будто вздохнул — как будто ждал именно этого момента. Лея вышла, накинув капюшон, и пошла к крыльцу так, будто знала: пол может провалиться, но она успеет сделать шаг в сторону.

— Ты не шутил насчёт озона, — сказала она, едва поднявшись на крыльцо. — Здесь пахнет так, будто где-то замкнуло проводку. Только электричества тут нет.

Марк кивнул, не пытаясь ничего объяснить. Он просто посторонился, пропуская её внутрь. В прихожей стало как будто теснее — будто дом не любил, когда в нём было больше одного человека.

Лея сразу достала перчатки, надела их, не глядя на Марка, и только потом подняла на него глаза.

— Где? — коротко спросила она.

Он молча кивнул в сторону кухни.

Они шли медленно, прислушиваясь к каждому скрипу. В этом доме тишина была обманчивой: она не означала отсутствие звуков, она означала, что звуки прятались, чтобы потом ударить в самое неподходящее мгновение. Луч фонарика Леи выхватывал из темноты детали, которые Марк уже видел, но теперь они казались другими: облупившаяся краска на стенах выглядела как чешуя, а тени на полу — как застывшие лужицы чего-то вязкого.

Кухня встретила их холодом, который ударил в грудь, словно пощёчина. Холодильник гудел ровно, настойчиво, будто был сердцем дома, и это сердце билось вопреки всем законам физики.

— Он работает, — прошептала Лея, хотя никто не мог их услышать. — Но тут нет электричества. Это невозможно.

— Здесь много невозможного, — отозвался Марк. — Смотри на тело.

Она подошла к холодильнику, присела на корточки, стараясь не касаться ничего лишнего. Марк стоял позади, следя не столько за её работой, сколько за тем, как меняется пространство вокруг. Тени снова легли не туда. На стене, где минуту назад была просто облупившаяся штукатурка, теперь виднелся странный узор — будто трещины сложились в линии, повторяющие те, что были на груди мертвеца. Марк моргнул — и узор пропал. Или ему показалось, что пропал.

Лея осторожно приподняла край одежды на теле, чтобы лучше рассмотреть символы. Её пальцы двигались уверенно, но в каждом движении чувствовалась напряжённость — как у человека, который знает, что любой неверный жест может что-то разбудить.

— Это не ожоги, — тихо сказала она. — Кожа не повреждена термически. Нет характерного отслоения, нет пузырей. Это… будто линии проросли изнутри. Как будто тело само их сформировало.

Марк хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он посмотрел на дверцу холодильника, на то место, где была надпись «Не буди». Теперь там не было ничего — только старая эмаль, покрытая инеем. Надпись исчезла, будто её и не было.

— Лея, — начал он, но тут холодильник дёрнулся.

Это было не просто гудение — это был рывок, будто внутри что-то резко сдвинулось. Пол под ногами дрогнул, и на мгновение Марку показалось, что кухня стала меньше, будто стены подались вперёд.

Лея вскинула голову, её глаза расширились, но она не закричала. Она была из тех, кто сначала оценивает угрозу, а потом уже реагирует.

— Что это было? — спросила она, не отрывая взгляда от холодильника.

— Не знаю, — честно ответил Марк. — Но мне это не нравится.

Холодильник снова дёрнулся, на этот раз сильнее. Из-под дверцы вырвалась тонкая струйка пара, но не обычного, а странного, зеленоватого оттенка. Он поднимался вверх, извиваясь, как живое существо, и оседал на потолке, образуя тонкий слой инея, который тут же начинал складываться в узоры — те самые линии, которые они видели на теле.

— Марк, — голос Леи стал тише, но от этого только страшнее. — Мы должны уйти. Сейчас.

Но уйти они не успели.

С потолка посыпалась штукатурка, а вместе с ней — что-то ещё. Что-то, что не должно было там быть. На полу, рядом с холодильником, начали проявляться следы. Не просто отпечатки ботинок — а чёткие, глубокие, будто кто-то стоял здесь, вдавливая подошвы в пол с силой, которой не могло быть у обычного человека. И размер этих следов совпадал с размером ботинок Марка.

— Это невозможно, — пробормотал он, отступая назад. — Я не ходил туда.

— И я не ходила, — сказала Лея, поднимаясь на ноги. — Но следы есть.

В этот момент холодильник издал звук, который не должен был издавать ни один бытовой прибор. Это был не гул, не треск, а низкий, вибрирующий стон, будто металл сопротивлялся чему-то, что пыталось вырваться изнутри. Дверца дрогнула, и Марк инстинктивно шагнул вперёд, чтобы удержать её, но Лея схватила его за руку.

— Не трогай! — её голос прозвучал резко, почти грубо. — Если ты его откроешь, мы не сможем закрыть обратно. Я не знаю, что там, но я знаю, что оно не должно выйти.

И тут дом принял решение.

Свет, которого не должно было быть, вспыхнул. Не лампы, не фонарики — сам воздух будто на мгновение стал ярче, и в этой вспышке Марк увидел то, чего не мог быть: в углу кухни, там, где раньше была просто стена, теперь виднелся проём. Не дверь, не арка — просто разрыв в пространстве, из которого тянуло холодом, гораздо более глубоким, чем холод холодильника. В этом проёме мелькнуло что-то — тень, которая двигалась не так, как двигаются обычные тени. Она не скользила по полу, она плыла, будто вода.

— Бежим! — крикнула Лея, и на этот раз в её голосе не было спокойствия. В нём был настоящий страх — тот, который приходит, когда ты понимаешь, что логика больше не работает.

Они рванули к выходу, но дом не хотел их отпускать. Коридор, который минуту назад был прямым, теперь изгибался, как змея. Двери, которые раньше вели в комнаты, теперь открывались в пустоту. Марк споткнулся о порог, которого раньше не было, и едва не упал. Лея схватила его за рукав и потянула вперёд, не давая остановиться.

Когда они наконец вырвались на крыльцо, воздух снаружи показался им почти сладким. Дождь хлестал по лицам, смывая с кожи ощущение чего-то липкого, чего они не могли увидеть. Они остановились, тяжело дыша, и посмотрели на дом.

Тот стоял на своём месте, тёмный, покосившийся, обычный. Но теперь Марк знал: он не был обычным. Он был живым. И он только что решил, что пора действовать.

— Мы не можем вернуться туда, — сказала Лея, вытирая с лица капли дождя. Её руки дрожали, но она старалась этого не показывать. — Не сейчас. Нам нужно понять, с чем мы имеем дело.

Марк посмотрел на дом. В одном из окон, на мгновение, мелькнул зеленоватый свет. Потом он погас, будто его и не было. Но Марк знал, что видел его.

— У нас нет выбора, — тихо сказал он. — Девушка, ради которой я сюда пришёл, всё ещё где-то там. Или была там. И если дом… если он что-то с ней сделал, мы должны это выяснить.

Лея посмотрела на него долгим взглядом, в котором читалось: «Ты сумасшедший». Но она не ушла. Она просто кивнула.

— Тогда нам нужны союзники, — сказала она. — Кто-то, кто знает этот дом. Кто-то, кто может рассказать, что здесь происходило раньше.

Марк вспомнил старика Трофима, который жил на соседней улице и, по слухам, знал про дом больше, чем говорил.

— Я знаю, к кому пойти, — ответил он. — Но сначала нам нужно прийти в себя.

Они сели в машину Леи, и она завела двигатель, будто звук мотора мог защитить их от того, что осталось в доме. Пока машина разворачивалась, Марк в последний раз посмотрел на дом. И ему показалось, что дом тоже смотрит на него.

Глава 3. Инструкция по выживанию, замаскированная под легенду

Машина Леи выехала на узкую улочку, где дома стояли так плотно, будто прижимались друг к другу от страха перед лесом, подступавшим с севера. Дождь наконец стих, но воздух остался тяжёлым, мокрым, как старая тряпка. Марк смотрел в окно, и ему казалось, что город здесь другой — не тот, что в центре с его витринами и спешащими людьми, а какой-то древний, упрямый, привыкший жить вопреки всему.

— Трофим, говоришь? — Лея вела машину спокойно, но пальцы на руле побелели. — Тот самый, который всем рассказывает, что у него в сарае живёт домовой, но это, мол, «просто кот»?

— Он самый, — хмыкнул Марк. — Если кто и знает про дом, то он. Местные легенды — это его хобби. Или работа. Я так и не понял.

— Надеюсь, он не предложит нам кинуть соль через левое плечо и трижды прокукарекать. У меня с голосом не очень, да и соседи косо смотрят.

Марк впервые за вечер усмехнулся. Получилась не улыбка, а скорее судорога мышц, но всё же.

— Главное, чтобы он знал, как не дать дому нас… переварить.

Лея покосилась на него.

— Ты сейчас серьёзно? «Переварить»? Звучит как описание плохого ужина.

— А ты видела эти следы? — Марк потёр ладони, будто пытался стереть с них холод кухни. — Следы, которых не должно быть. Проём в стене, которого не было. Дом не просто старый. Он… активный.

— Активный, — повторила Лея, паркуясь у покосившегося забора. — Как кофеин. Только вместо бодрости — паника. Ладно. Пошли добывать мудрость у местного эксперта.

Дом Трофима выглядел так, будто его строили из того, что осталось после стройки всех остальных домов: доски разных оттенков, окна разного размера, крыша, которая явно хотела быть плоской, но сдалась и пошла волнами. На крыльце сидел сам Трофим — старик с лицом, похожим на старую карту: столько на нём было морщин, что казалось, будто по ним можно читать историю района. В руках он держал кружку, от которой шёл пар, и смотрел на Марка и Лею так, словно ждал их уже лет десять.

— Ну, заходите, — буркнул он, не вставая. — Вижу, вам не чай пить. У вас на лицах написано: «Мы видели то, чего не бывает».

— Прямо в точку, — Марк поднялся на крыльцо, стараясь не наступать на скрипучие доски. — Можно пару минут?

— Минут у меня много, — Трофим кивнул на две старые табуретки у стены. — Садитесь. Только не ждите, что я буду говорить красиво. Красиво — это для газет. А тут жизнь.

Лея села, осторожно поставив табуретку на ровное место.

— Мы были в том доме, — сказала она прямо. — И нам очень не понравилось.

Трофим хмыкнул, отхлебнул из кружки и посмотрел куда-то поверх их голов, будто видел там что-то, чего не видели они.

— Неудивительно, — протянул он. — Дом не любит гостей. Он их… изучает. А потом решает, что с ними делать.

— И что он с ними делает? — спросил Марк, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Да по-разному, — пожал плечами Трофим. — Кому-то просто память стирает. Просыпается человек в лесу, не помнит, как туда пришёл, и думает, что перебрал на выходных. А кого-то… дом оставляет себе.

Лея переглянулась с Марком.

— Оставляет себе, — повторила она. — Это как?

— Как в кладовке, — спокойно ответил Трофим. — Только кладовка эта без дверей. И без выхода.

Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок, который не имел ничего общего с вечерней сыростью.

— Вы это серьёзно? — спросил он.

— Серьёзнее некуда, — Трофим поставил кружку и наконец посмотрел им прямо в глаза. — Вы думаете, это легенды? Сказки для туристов? Нет. Это инструкции. Просто написаны языком, который люди забыли понимать.

— Инструкции? — Лея наклонилась вперёд, будто пыталась поймать каждое слово. — Какие инструкции?

Трофим вздохнул, будто ему приходилось объяснять это слишком часто.

— Вот, например, все говорят: «Не ходи туда после заката». Думаете, это потому, что страшно? Нет. Потому что после заката дом… просыпается. У него как будто батарейки садятся днём, а ночью он заряжается. И начинает шевелиться.

— Шевелиться, — эхом повторил Марк.

— Ага, — кивнул Трофим. — Стены двигаются. Двери открываются не туда. Пространства меняются местами. Вы, наверное, заметили коридор, который вдруг стал петлять?

Марк и Лея переглянулись.

— Заметили, — тихо сказала Лея.

— Вот, — удовлетворённо кивнул Трофим. — Значит, дом уже начал с вами играть. А игра у него простая: кто первый испугается и сделает глупость — тот проиграл.

— А что считается глупостью? — спросила Лея. — Открыть холодильник?

Трофим резко поднял брови.

— Холодильник? Вы открыли холодильник?

Марк поморщился.

— Там был труп. Мы должны были посмотреть.

— Труп, — повторил Трофим, и в его голосе не было осуждения, только усталость. — Ну да. Дом любит оставлять приманки. Чтобы вы думали, что всё под контролем. А на самом деле — вы уже внутри его плана.

— Его плана, — пробормотал Марк. — Звучит как плохой триллер.

— Жизнь вообще иногда как плохой триллер, — парировал Трофим. — Только билеты не возвращают.

Лея вдруг рассмеялась — коротко, нервно, но это был смех, а не плач.

— Простите, — сказала она, прикрывая рот рукой. — Просто это настолько абсурдно, что если не смеяться, то придётся кричать.

— Смейтесь, — разрешил Трофим. — Смех — это тоже защита. Дом не любит, когда над ним смеются. Он привык, что его боятся.

— Отлично, — Марк откинулся на спинку табуретки, которая протестующе скрипнула. — Значит, наша стратегия: сарказм и юмор. Будем издеваться над домом, пока он не сдастся.

— Не издевайтесь, — серьёзно сказал Трофим. — Это опасно. Дом может обидеться. А обиженный дом — это как обиженный кот. Только вместо того, чтобы опрокинуть вазу, он опрокинет реальность.

Лея подняла руку, как на уроке.

— Можно вопрос? Если это всё инструкции, то какая инструкция поможет нам выжить? Что нам делать, чтобы дом нас не… оставил себе?

Трофим помолчал, глядя на свои руки, будто вспоминал что-то далёкое.

— Первое правило: не пытайтесь победить дом силой. Он сильнее. Он не из кирпичей и досок. Он из… намерений. Из памяти. Из страхов. Поэтому не спорьте с ним. Соглашайтесь.

— Соглашаться? — переспросил Марк. — То есть, если стена встанет на пути, сказать: «Да, ты стена, ты имеешь право здесь стоять»?

— Примерно так, — кивнул Трофим. — Дом любит, когда его признают. Когда с ним разговаривают. Не кричите. Не бегите. Идите спокойно, будто вы знаете, куда идёте. Даже если не знаете. Особенно если не знаете.

— Второе правило, — продолжил он, подняв палец. — Не трогайте то, что не просили трогать. Холодильник, шкафы, старые дневники — всё это крючки. Дом ловит на них.

— Но нам нужно найти девушку, — возразил Марк.

— Тогда ищите глазами, а не руками, — отрезал Трофим. — Смотрите, запоминайте, уходите. И возвращайтесь только с планом.

— Третье правило, — старик поднял третий палец, и Марк поймал себя на мысли, что считает их, как будто это заклинание. — Не верьте своим глазам. Дом умеет показывать то, чего нет. И прятать то, что есть. Если видите что-то странное — не спорьте. Просто запомните. И проверьте потом, когда выйдете.

— То есть, если я увижу летающего единорога, я должна просто кивнуть и сказать: «О, милый, и какой у тебя график полётов?» — уточнила Лея с лёгкой иронией.

— Именно, — серьёзно ответил Трофим. — Кивните. Улыбнитесь. И идите дальше. Единорог исчезнет. А дверь, которую он загораживал, появится.

Марк прикрыл глаза ладонью.

— Это самый странный инструктаж по безопасности в моей жизни.

— Зато самый честный, — буркнул Трофим. — И последнее. Не ходите туда одни. Дом питается одиночеством. Ему нравится, когда человек остаётся один на один со своим страхом. Поэтому держитесь вместе. Говорите друг с другом. Даже о ерунде. Пусть дом слышит, что вы не одни.

— Спасибо, — сказала Лея, вставая. — Это… неожиданно полезно.

— Не благодарите, — махнул рукой Трофим. — Просто не делайте глупостей. И если вдруг увидите, что на стене появились линии — не пытайтесь их стереть. Это не грязь. Это… адрес.

— Адрес? — переспросил Марк.

— Адрес места, где дом прячет то, что вам нужно, — пояснил Трофим. — Но не спешите туда. Сначала убедитесь, что дом не ведёт вас в ловушку.

Они попрощались и спустились с крыльца. Когда они отошли на несколько шагов, Трофим окликнул их:

— И ещё! Если вдруг почувствуете, что время идёт не так — будто минуты растягиваются или сжимаются — не паникуйте. Это дом меряет вас. Просто считайте про себя до десяти. Обычно помогает.

— Считаем до десяти, не трогаем единорогов, разговариваем с домом, — подытожила Лея, когда они отошли подальше. — Легко запомнить.

— Легко сказать, — проворчал Марк. — А вот сделать…

— Сделаем, — твёрдо сказала Лея. — У нас есть инструкция. Даже если она звучит как бред сумасшедшего, она работает. Потому что Трофим всё ещё здесь. А те, кто не слушал, — нет.

Марк посмотрел на неё и вдруг почувствовал, что страх немного отступил. Не исчез, но спрятался в угол, как трусливый пёс.

— Ладно, — сказал он. — План такой: возвращаемся к машине, смотрим записи, которые успели сделать, и думаем, как зайти в дом снова, но так, чтобы он думал, что мы просто мимо проходили.

— Идеально, — кивнула Лея. — Будем самыми вежливыми грабителями в истории. «Извините, мы тут по делу, не обижайтесь».

Марк усмехнулся.

— Главное — не забыть поздороваться с холодильником.

— Только не пожимай ему руку, — предупредила Лея. — Мало ли что.

Они шли к машине, и на этот раз город казался не таким чужим. В нём снова была логика, пусть и странная. А дом, оставшийся позади, смотрел им вслед тёмными окнами, будто решал, стоит ли продолжать игру.

Глава 4. Завещание Соломона и цена тишины

В машине пахло мокрой тканью и кофе из старой термокружки — обычный, земной запах, который сейчас казался Марку почти священным. Он сидел, уставившись на приборную панель, будто она могла подсказать, как победить дом, который не подчиняется законам физики. Лея листала заметки на телефоне, время от времени хмурясь.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она, не поднимая глаз. — Я всё ещё ищу этому научное объяснение. Как будто если я подберу правильный термин — «пространственная аномалия», «локальное искажение поля» — оно станет менее страшным.

— Не станет, — хмыкнул Марк. — Но звучит солиднее. Можно будет написать в отчёте: «Клиент отказался платить, потому что дом съел время».

Лея наконец посмотрела на него и улыбнулась — коротко, устало, но искренне.

— Ладно. Отложим науку. Что у нас есть? Трофим дал нам инструкцию, которая звучит как руководство по выживанию в кошмаре. Но инструкции мало. Нам нужно оружие. Или хотя бы щит.

Марк потёр виски.

— Щит… Есть одна идея. Но она тебе не понравится.

— Если это не предложение вернуться туда прямо сейчас — я готова слушать.

— Дневник Бориса, — сказал Марк. — Мы его толком не смотрели. А старик Трофим говорил про «адрес» на стенах. Может, Борис знал, как с этим бороться. Может, у него была своя инструкция.

Лея помолчала, взвешивая.

— Логично. И жутко. Ладно. Но на этот раз мы не идём туда вдвоём. Нужен кто-то третий. Для страховки. И для того, чтобы было кому сказать: «Ребята, вы сошли с ума», если мы начнём видеть единорогов.

Марк усмехнулся.

— Есть у меня на примете один человек. Он не скажет, что мы сошли с ума. Он скажет: «А, это ерунда, я такое в девяностых в подвале видел».Этим человеком оказался Вениамин Петрович — бывший преподаватель истории религий в местном колледже, а ныне пенсионер, который коллекционировал старые книги, странные слухи и рецепты настоек. Его квартира напоминала библиотеку, которая решила сбежать из университета: полки до потолка, стопки бумаг на полу, запах старой бумаги и чего-то пряного. Когда они позвонили, он открыл дверь в халате поверх свитера, посмотрел на них поверх очков и сказал:

— А, искатели приключений. Проходите. Только не наступайте на кота — он считает себя главным цензором и может укусить за неподходящую мотивацию.

Они прошли в комнату, где на столе лежал фолиант в потрёпанном кожаном переплёте.

— Это не то, о чём вы думаете, — сразу предупредил Вениамин, заметив, как Марк покосился на книгу. — Это не «Некрономикон». Это каталог редких изданий. Но раз уж вы пришли, значит, дело серьёзное. Рассказывайте.

Пока Лея кратко, но честно описывала всё, что они видели — холодильник, следы, проём в стене, зеленоватый свет, — Вениамин не перебивал. Он только кивал, иногда поправляя очки, и время от времени бросал взгляды на фолиант, будто тот мог подтвердить или опровергнуть услышанное.

Когда Лея закончила, он долго молчал, постукивая пальцами по столу. Потом вздохнул и посмотрел на них так, будто собирался сказать что-то, после чего их жизнь уже не будет прежней.

— Вы столкнулись не с призраком и не с поломкой проводки, — тихо сказал он. — Вы столкнулись с чем-то, что работает по правилам, которые мы забыли. Или никогда не знали.

— Мы слышали про «инструкции», замаскированные под легенды, — вставил Марк. — Но нам нужно что-то конкретное.

Вениамин кивнул, встал и подошёл к полке. Он снял с неё тонкую книгу в тёмно-коричневом переплёте, покрытом пятнами времени.

— Вот, — сказал он, кладя её на стол. — «Завещание Соломона». Не оригинал, конечно. Оригинал написан на греческом и хранится где-то в закрытых фондах. Но этот перевод — старый, проверенный. В нём говорится о том, как царь Соломон получил власть над демонами с помощью кольца, подаренного архангелом Рафаилом.

Лея осторожно коснулась обложки, будто проверяя, не горячая ли она.

— Демоны? — переспросила она. — Мы же не в фильме ужасов.

— Слово «демон» тут — термин, — спокойно пояснил Вениамин. — В древности так называли любые силы, которые не подчинялись человеку. Стихии, духи мест, сущности, привязанные к объектам. Соломон не изгонял их. Он заключал с ними договоры. Ставил границы. Держал на поводке.

— Границы, — повторил Марк, вспомнив фразу из дневника Бориса: «Дом — это граница». — А если граница ломается?

— Тогда поводок рвётся, — ответил Вениамин. — И то, что было заперто, начинает искать новый способ удержаться в нашем мире. Дом становится не местом, а механизмом. Он питается вниманием, страхом, действиями. Он заставляет людей делать то, что нужно ему.

— И что нам делать? — спросила Лея. — Читать заклинания? Рисовать пентаграммы?

— Нет, — покачал головой Вениамин. — Соломон действовал иначе. Он не пытался победить силой. Он устанавливал правила. Ритуалы были не для изгнания, а для фиксации: «Ты можешь быть здесь, но только вот так. Ты можешь брать вот это, но не больше». Это был контракт.

Марк почувствовал, как внутри всё сжалось.

— То есть дом — это контракт, который вышел из-под контроля?

— Именно, — кивнул Вениамин. — И Борис, судя по всему, пытался его перезаключить. Или хотя бы понять условия.

Он открыл книгу и показал им страницу, где была нарисована схема: круг, разделённый на сегменты, с непонятными символами по краям.

— Это печать Соломона, — пояснил он. — Не просто рисунок. Это формула равновесия. В ритуалах, описанных здесь, есть один важный момент: чтобы заключить такой договор, нужна жертва. Но не в смысле крови и ужаса. Жертва — это отказ. От чего-то важного. От привычки. От уверенности. От контроля. Ты отдаёшь часть себя, чтобы получить право диктовать условия.

— Звучит как очень дорогая подписка, — пробормотала Лея.

— Самая дорогая, — серьёзно сказал Вениамин. — И опасная. Потому что если ты не знаешь, что отдаёшь, ты можешь отдать слишком много.

Марк посмотрел на схему, и ему вдруг показалось, что линии на ней похожи на те, что были на теле в холодильнике. Те же изгибы, те же узлы, будто кто-то пытался повторить формулу, но ошибся в каждом втором элементе.

— Борис пытался это использовать, — тихо сказал он. — Он рисовал эти схемы. Но что-то пошло не так.

— Потому что он пытался контролировать, а не договариваться, — добавил Вениамин. — Дом не любит, когда его заставляют. Он любит, когда с ним разговаривают.

В этот момент в коридоре что-то скрипнуло. Не старый пол, не ветер — звук был слишком чётким, слишком намеренным. Кот, до этого мирно сидевший на шкафу, вдруг вскочил и уставился в угол, где ничего не было. Потом фыркнул, будто обиделся, и спрыгнул вниз.

— У вас тут сквозняк? — нервно спросила Лея.

— В этой квартире нет сквозняков, — спокойно ответил Вениамин, но в его голосе появилась напряжённость. — Здесь вообще мало что двигается само по себе.

Марк подошёл к окну и выглянул наружу. Улица была пуста, фонари горели ровно. Но в одном из окон напротив, в тёмной квартире, на мгновение вспыхнул зеленоватый свет. Такой же, как в доме. И тут же погас.

— Он нас нашёл, — прошептал Марк.

— Кто? — спросила Лея.

— Дом. Он знает, что мы ищем способ его победить.

Вениамин быстро закрыл книгу и прижал её к груди, будто защищая.

— Значит, времени мало, — сказал он. — Если дом чувствует угрозу, он начнёт действовать. Ускорит игру.

— Что нам делать? — спросила Лея, и в её голосе впервые прозвучала настоящая паника.

— Вернуться к плану Трофима, — твёрдо сказал Марк. — Не спорить. Не пытаться победить. Договориться. Но для этого нам нужно понять, чего дом хочет. Что он берёт в качестве жертвы.

— И ещё, — добавил Вениамин, — вам нужно найти то, что Борис оставил как ключ. Что-то, что связывает его эксперименты с этими схемами. Дневник — это хорошо. Но нужен предмет. Вещь, которая была в центре его ритуала.

Кот снова фыркнул и уставился на дверь, будто ждал, что кто-то войдёт.

— И кто-то должен остаться здесь, — решительно сказала Лея. — На связи. Чтобы, если мы перестанем отвечать, он знал, где нас искать.

— Я останусь, — кивнул Вениамин. — Буду сидеть с этой книгой и надеяться, что она сработает как талисман. А если нет — у меня есть ещё пара томов про изгнание сущностей. Правда, один из них на латыни, а я её подзабыл.

Марк криво улыбнулся.

— Спасибо, Вениамин. Это уже больше, чем ничего.

— Пожалуйста, — ответил тот. — Только помните: если почувствуете, что дом предлагает сделку — не соглашайтесь сразу. Спросите цену. И не верьте, если он скажет, что она маленькая.

Они вышли на улицу, и ночь показалась им другой — не просто тёмной, а наполненной шёпотом, который они раньше не слышали. Машина завелась с первого раза, и этот обычный звук прозвучал как обещание, что реальность ещё держится.

— Итак, — сказала Лея, выезжая на дорогу. — Мы идём туда не как охотники. Мы идём как дипломаты. С пустыми руками и полным вниманием.

— И без иллюзий, — добавил Марк. — Дом не добрый. Он просто… расчётливый.

— Отлично, — кивнула Лея. — Будем самыми вежливыми дипломатами в истории. «Уважаемый Дом, мы пришли не для того, чтобы вас обидеть. Нам просто нужно найти девушку. И, возможно, не потерять душу по дороге».

Марк рассмеялся — коротко, но это был смех, а не стон.

— Главное — не забыть, что жертва — это отказ. Значит, мы должны быть готовы что-то отпустить.

— Например, надежду на спокойный отпуск в этом году, — пошутила Лея.

— Или веру в то, что всё можно объяснить наукой, — серьёзно добавил Марк.

Они ехали к дому, и с каждым километром воздух становился плотнее, будто реальность натягивалась, как струна. Дом ждал. И теперь они знали: он не просто ловушка. Он — переговорщик. И разговор с ним будет стоить дорого.

Глава 5. Ритуал, который съел инженера

Они стояли у забора, и Марк вдруг поймал себя на том, что не хочет делать следующий шаг. Не из-за страха — хотя страх был, липкий, как сырость под курткой. А из-за ощущения, будто дом уже знает, что они идут, и заранее улыбается.

— Знаешь, — тихо сказала Лея, не глядя на дом, а глядя на свои перчатки, которые она нервно натягивала, — я только сейчас поняла, что мы вообще-то не в квест-комнату идём. Мы идём в место, которое, по словам Трофима, «оставляет себе» людей. И делаем это добровольно. Это либо храбрость, либо клинический случай.

— Будем считать, что храбрость с примесью упрямства, — хмыкнул Марк. — Упрямство — моя специализация.

— Отлично. Тогда твоя задача — быть упрямым, а моя — не дать тебе открыть ещё один подозрительный ящик. Договорились?

— Договорились.

Они пошли к крыльцу. На этот раз дверь была закрыта. Плотно. Так, будто дом решил: «Хватит с меня гостей». Марк остановился, положил ладонь на дерево. Оно было тёплым. Не как нагретое солнцем, а как живое — будто внутри бежала кровь.

— Это ненормально, — прошептала Лея.

— Здесь всё ненормально, — отозвался Марк. — Но мы здесь не для того, чтобы жаловаться на климат.

Он толкнул дверь. Та поддалась с тихим, почти обиженным скрипом, будто говорила: «Ну ладно, раз уж вы так настаиваете…»

Внутри было тихо. Слишком тихо. Даже гул, который они слышали раньше, стих, как будто дом затаил дыхание.

— Слушай, — сказала Лея, доставая фонарь, — если сейчас из темноты выйдет кот и скажет: «Добро пожаловать», я просто сяду на пол и буду плакать.

— Если выйдет кот — это будет самое нормальное, что тут случалось, — мрачно пошутил Марк. — Значит, реальность ещё держится.

Луч фонаря выхватил коридор. Обои свисали, как старые бинты. На полу — пыль, в которой отпечатались их прежние следы. И ещё одни. Свежие. Чёткие. Будто кто-то прошёл здесь минуту назад. Но размер ботинок был… странным. Слишком большим. Или слишком маленьким. Марк не мог понять.

— Не смотри на следы, — вдруг сказала Лея. — Трофим говорил: не спорь с тем, что видишь. Просто иди.

— Легко сказать, — проворчал Марк. — Трудно не думать: «Кто это тут ходил в обуви сорок пятого размера на трёх ногах?»

— Очень смешно, — сухо ответила Лея. — Держи направление. Нам нужна комната Бориса. Кабинет. Там должен быть дневник. И… что-то ещё. То, что Вениамин назвал «предметом в центре».

Кабинет Бориса оказался за дверью, которая раньше вела в кладовку. Теперь на ней висела табличка: «Не входить. Работает ток». Буквы были выведены мелом, но мел будто въелся в дерево, как краска.

— Ну да, — пробормотал Марк. — Потому что в доме без электричества всегда так: «Работает ток». Логично.

Лея постучала, будто ждала, что кто-то ответит изнутри. Потом, не дождавшись, толкнула дверь.

Кабинет был похож на лабораторию сумасшедшего учёного и святилище одновременно. На стенах — схемы, обрывки газет, фотографии людей, чьи лица были замазаны чёрным. В

центре комнаты — стол, заваленный бумагами, а на нём — предмет, от которого у Марка ёкнуло сердце.

Это было кольцо. Простое, из потемневшего металла, с выгравированным узором, напоминавшим печать Соломона. Рядом лежала тетрадь — дневник Бориса.

— Вот он, — прошептала Лея, будто боялась спугнуть тишину. — Предмет в центре.

Марк потянулся к кольцу, но Лея резко схватила его за запястье.

— Стой. Не трогай. Вениамин говорил: ритуалы — это не про хватание блестящих штук. Это про последствия.

— Я просто посмотрю, — начал Марк.

— Нет, — твёрдо сказала Лея. — Сначала читаем дневник. Потом думаем. Потом… может быть… трогаем. Но не наоборот.

Марк вздохнул, отпустил кольцо и взял тетрадь. Страницы были исписаны мелким, нервным почерком, местами чернила расплывались, будто на бумагу капала вода. Или что-то другое.

«Я понял, как это работает. Дом — это граница. А граница держится на договоре. Соломон знал это. Он не изгонял демонов — он договаривался. Кольцо — это печать. Оно не даёт силы. Оно фиксирует условия.

Но договор требует жертвы. Не крови. Не жизни. А отказа. Ты должен отдать то, что делает тебя тобой. Свою уверенность. Свой контроль. Свою память о чём-то важном.

Я попробовал. Я отказался от страха. И дом перестал меня бояться. Но потом он перестал меня видеть. Я стал для него прозрачным. А потом… я начал исчезать.

Сегодня я понял: он берёт не то, что ты отдаёшь. Он берёт то, что тебе дороже всего. Я думал, это работа. Оказалось — моя жена. Я забыл её имя. Забыл лицо. Осталось только ощущение тепла, которого больше нет.

Не повторяйте мою ошибку. Не пытайтесь победить дом. Договоритесь. Но сначала спросите цену. И не верьте, если он скажет, что она мала».

Марк закрыл тетрадь. В комнате стало холоднее. Или ему показалось.

— Он отдал свою жену, — тихо сказала Лея. — Не физически. Он отдал память о ней. И дом забрал её.

— Жертва — это отказ, — повторил Марк слова Вениамина. — Борис отказался от страха, а дом взял его любовь.

— Хитрый гад, — процедила Лея. — Играет не по правилам.

— А правил и нет, — мрачно сказал Марк. — Есть только его условия.

В этот момент кольцо на столе тихо звякнуло. Будто вздохнуло.

Лея побледнела.

— Это… это нормально?

— Абсолютно, — саркастически ответил Марк. — В домах, где исчезают люди, кольца всегда немного побрякивают. Это такой местный будильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.